

— А ты не думала, что так мы можем уйти в убыток? — спросил Тан Шэнь.

Тан Хуан удивилась:

— В убыток? Брат, о чём ты думаешь? Во-первых, если покупатель не увидит этот листок и не придёт к нам в Павильон Байбао за покупками, мы не получим вообще ничего. Во-вторых, цены и скидки мы рассчитываем заранее, закладывая все дополнительные расходы, и только потом называем итоговую цену. — Девочка сладко улыбнулась. — Я ведь не глупая. Или ты хочешь сказать, глупый у нас братец?

Тан Шэнь, разумеется, понимал замысел Тан Хуан и знал, как всё просчитала его сестрёнка. Однако он напустил на себя строгий вид и серьёзным тоном произнёс:

— И только-то? А ты не подумала, что покупатель может намеренно сговориться с другой лавкой? Возьмёт листок из чужой лавки, придёт к нам, купит товар, а потом заберёт себе половину от той доли, которую Павильон Байбао выплатит той лавке. Объединят усилия и станут наживать на нас вдвоём?

— Ну и что с того? — возразила Тан Хуан. — Я знаю лишь то, что человек пришёл и купил товар именно в нашем Павильоне Байбао. И ещё я знаю: как бы они там ни хитрили между собой, Павильон Байбао выплатит ровно столько, сколько изначально закладывал. Пусть другие лавки хоть передерутся за наши скидочные листки, нас это не касается. Главное — покупатель, который даже не собирался заходить в Павильон Байбао, сегодня пришёл к нам. Значит, мы в выигрыше.

Тан Шэнь пристально уставился на сестру — так, что у той мурашки бежали по коже.

— Брат, ты чего так смотришь?

— Думаю о том, за кого ты в будущем выйдешь замуж.

— Ты у нас теперь ещё и гадать умеешь?

— Не гадать, а рассчитывать, во сколько мне обойдётся твоё содержание, если тебя так никто и не возьмёт в жёны.

— ...

Благодаря задумке Тан Хуан дела в Павильоне Байбао пошли ещё лучше. Увидев скидочные листки и узнав, что по ним можно получить хорошую скидку, множество покупателей, изначально собиравшихся зайти в ближайшую лавку у дома, устремилось на улицу Чжэнъянмэнь.

Всего за два месяца в каждом переулке города Шэнцзин нашлось по меньшей мере по две лавки, где выкладывали листки Павильона Байбао.

И вот теперь при тусклом свете свечи Тан Шэнь смотрел на листок в своих руках, слегка прищурившись.

На следующий день на постоялом дворе.

Один из стражников Государства Ляо, поднявшись рано утром на смену, заметил, как служащий постоялого двора занёс с улицы стопку бумаг и положил их в караульной. Вытащив

один листок, тот прислонился к стене и увлечённо принялся читать.

Стражнику Государства Ляо стало любопытно, однако языком Сунцев он не владел. Вразвалочку подойдя ближе, он похлопал по длинному клинку на поясе и указал пальцем на бумагу в руках служащего.

Послы Государства Ляо держались надменно и вели себя на постоялом дворе крайне самоуправно. Увидев такой жест, служащий не осмелился перечить и поспешно передал листок Павильона Байбао. Однако, глянув на бумагу, стражник озадачился ещё больше: иероглифы Сунцев он читать не умел!

Взяв листок Павильона Байбао, стражник отправился в помещение к чиновнику Государства Ляо. А тот, в свою очередь, пошёл к Елюй Циню.

К полудню Елюй Цинь в сопровождении нескольких стражников тайно отправился в Павильон Байбао. Переодевшись в одежду Сунцев, он вошёл внутрь — и от увиденного у него пестрило в глазах и дух захватывало от изумления. Не мешкая, Елюй Цинь вернулся на постоянный двор, всё тщательно обдумал и отправился к третьему принцу Елюй Ханю. С порога он произнёс:

— Третий принц, нынешние Сунцы вовсе не таковы, какими мы их себе представляли.

Елюй Хань только-только поднялся с постели и, услышав это, спросил:

— Чиновник Ведомства Ханьэр, что ты имеешь в виду?

Елюй Цинь отвесил поклон и вымолвил:

— Пусть ваш слуга и чиновник Южного управления, но откровенно скажу третьему принцу: сношения между Государством Ляо и Государством Сун издревле входили в обязанности Южного управления. Изначально Его Величество не собирался посылать господина Тайбао, но в последний момент всё же назначил его. Ваш слуга смеет предположить, что господин Тайбао и третий принц прибыли в Государство Сун, дабы разузнать обстановку и вывести их истинные силы.

Елюй Хань изумился: он не ожидал, что Елюй Цинь угадает всё с точностью до мелочей.

Елюй Цинь взглянул на выражение лица третьего принца и понял, что оказался прав. В душе он тяжело вздохнул: будь на месте этого принца кто-то другой, разве пришлось бы изводить столько слов? Елюй Цинь продолжил:

— Ваш слуга не знает, что именно желают выяснить ваше высочество и господин Тайбао, однако полагает: то, что император Сун не призвал нас в первый же день, не так уж и плохо. Они выжидают, но пока они выжидают, мы тоже можем осмотреться в этом городе Шэнцзин!

Елюй Хань вспомнил вчерашние слова Елюй Иня и возразил:

— Но ведь господин Тайбао только вчера говорил, что в сунском Шэнцзине мы сможем осматривать всё, что захотим и когда захотим.

Елюй Цинь про себя подумал: «Дурак! Если бы сокрушить Государство Сун было так просто, почему за сто с лишним лет Государство Ляо так и не завоевало его?»

Ведь даже разгромив Государство Сун, Великое Ляо понесёт огромный урон и рискует

подвергнуться нападению соседних враждебных государств, которые не упустят случая воспользоваться его слабостью.

Коль так, почему бы просто время от времени не вымогать у Государства Сун дань, не проливая крови и получая богатства Сунцев, а быть может, и новые земли?

Именно таковы были текущие замыслы Государства Ляо.

Разве их посольство преодолело тысячи ли и прибыло в Великую Сун не потому, что Ючжоу оказался неприступным орешком? Они пришли, чтобы сесть за стол переговоров с императором Сун и вытребовать денег в обмен на отвод войск.

Елюй Цинь произнёс:

— Сегодня ваш слуга посетил самую оживлённую улицу Чжэньянмэнь в столице Государства Сун. Лавок там не счесть, а людской поток подобен бурлящей реке — это место неизмеримо богаче и оживлённее нашей управы Дадин. Прошу третьего принца обсудить сие с господином Тайбао. Ваш слуга полагает, что это тоже способ оценить мощь Государства Сун и узнать, какими богатствами они владеют.

Во второй половине дня, когда Тан Шэнь вместе с сопровождающими прибыл на постоянный двор, Елюй Хань сидел во главе зала и с надменным видом вымолвил:

— Император Сун и сегодня не желает призывать нас. Что это означает?

Тан Шэнь обвёл взглядом Елюй Ханя, Елюй Циня и Елюй Иня, а затем, не подавая виду, отвёл взор и почтённо склонился в поклоне:

— Поскольку третий принц прибыл в нашу Великую Сун, вам надлежит находиться в сопровождении послов. Ваш слуга — специальный посланник, направленный господином Мэном, министром Приказа ритуалов, дабы уделить должное внимание господам послам. Сегодня ваш слуга устроит пир в Тереме Цяньли в честь вашего высочества и господ послов, дабы сгладить тяготы пути. Ваше высочество ещё не знает, но Терем Цяньли — это...

Тан Шэнь говорил спокойно и уверенно, без тени угодничества или высокомерия, терпеливо разъясняя всё до мельчайших подробностей.

Закончив, Тан Шэнь поднял глаза на Елюй Ханя:

— Что думает третий принц?

Елюй Хань немного понапускал на себя важный вид, выслушал ещё пару фраз и наконец изрёк:

— Что ж, это вполне допустимо.

В тот день Тан Шэнь благополучно препроводил посольство Государства Ляо в Терем Цяньли в Шэнцзине, где устроил в их честь пышный приём.

На следующий день Тан Шэнь придумал новое развлечение: он повёз Елюй Ханя и его спутников на прогулку верхом в пригороды, а также поднялся с ними на Башню Сюйцзи — девятиэтажное сооружение на севере города, которое Ван Чжэнь возвёл специально для Чжао Фу. Простым людям доступ туда был закрыт, однако Чжао Фу лично дозволил Тан Шэню привести дипломатов Государства Ляо на башню — словно намеревался заставить их стоять на

самой вершине и взирать на величественное процветание Великой Сун.

За несколько дней Тан Шэнь неустанно хлопотал и устроил всё наилучшим образом, предугадывая каждую мелочь.

А вот Ли Цзиндэ не выдержал.

Вернувшись во Дворец Циньчжэн, он сдёрнул чиновничью шапку и воскликнул:

— Эх, да это потяжелее, чем на войне драться! Раньше я и не догадывался, до чего несладко приходится вам, гражданским чиновникам. Этот Елюй Хань дерзит и никого не ставит ни во что! Каждый раз, глядя на него, я едва удерживаюсь, чтобы не намять ему бока и не выпнуть обратно в Государство Ляо. Господин Тан, вам в эти дни пришлось совсем несладко.

Тан Шэнь серьёзно ответил:

— Генерал Ли переоценивает мои труды. Ваш слуга — чиновник на службе государя, получающий жалование из казны. Разделять заботы своего повелителя — моя прямая обязанность, так как я могу жаловаться на усталость?

Ли Цзиндэ посмотрел на него и заметил:

— А ты непохож на Ван Цзыфэна и Су Фэйжань.

Тан Шэнь улыбнулся:

— Я всего лишь мелкий чиновник четвёртого ранга, где уж мне равняться со старшим братом-соучеником и Су Вэньюнем.

Ли Цзиндэ вздохнул:

— Оба они хороши, ни одного честного человека! И пусть ты младший брат-соученик Ван Цзыфэна, я ему и в лицо не побоюсь это сказать.

Тан Шэнь про себя подумал: «Так сходи и скажи!»

Ли Цзиндэ снова надел чиновничью шапку и украдкой покинул Дворец Циньчжэн.

Вечером Тан Шэнь отправился в Резиденцию министра и тут же выложил всё с потрохами.

Генерал Ли и помыслить не мог, что господин Тан Шэнь, которого он только что хвалил со словами «ты непохож на них», в этот самый миг, точно рассыпанный горох, до единого слова перескажет его речи Ван Чжэню.

Ван Чжэнь плавно вздохнул и произнёс:

— Генерал Ли заблуждается на мой счёт.

Тан Шэню очень хотелось ответить, что никакого заблуждения тут нет: пусть генерал Ли слегка наивен и добродушен, но глупцом его точно не назовёшь.

Ван Чжэнь молвил:

— Младший брат-соученик, похоже, ты весьма по душе генералу Ли?

<http://bllate.org/book/18292/1754628>